

ТИБЕТСКАЯ КНИГА
ЖИВЫХ

МАРК РОЗИН

РОМАН

альпина
ПРОЗА

Москва, 2027

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6-44
Р64

Глубинный редактор Василий Подовед

Розин М.

Р64 Тибетская книга живых : [роман] / Марк Розин. — М. : Альпина
нон-фикшн, 2027. — 366 с.

ISBN 978-5-00272-091-0

Личный кризис одного из главных героев романа разворачивается на фоне глобального кризиса цивилизации и оказывается причудливо с ним связан. Это история о мировой политике и мистических пророчествах; об уверенности, заводящей в тупик, и о сомнениях, открывающих новые горизонты; о любви, способной как примирить, так и уничтожить; о том, что хорошие вопросы ценнее готовых ответов. А еще о том, что жизнь — дар, предназначенный тем, кто не устает жить.

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00272-091-0

© Марк Розин, 2025
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2027

ЧАСТЬ I

В шестьдесят два года Лев захотел увидеть Эверест. Не с самолета и не с организованной группой, а самому ногами дойти до базового лагеря, закинуть голову и посмотреть на высшую точку Земли, оторвав взгляд от ботинок. С юности в его памяти засела фраза «увидеть Париж и умереть» — Париж он видел много раз, но до сих пор не умер. Теперь он решил испытать себя Эверестом. Высота базового лагеря, откуда уходят на штурм вершины альпинисты, — пять тысяч триста шестьдесят четыре метра. Не так мало для прожившего жизнь человека.

Когда-то давно, еще в Советском Союзе, он и его друзья читали о Шамбале — мифической стране мудрецов, спрятанной в Тибете, — и мечтали о большом горном путешествии. Добраться до Тибета советские студенты, конечно, не могли, но и в Советском Союзе были семитысячники. В восемнадцать лет Лев решил, что время безвозвратно уходит, пора осуществлять свои мечты, и вместе с девушкой Лизой отправился на Памир, чтобы своими глазами увидеть самую высокую вершину Советского Союза — пик Коммунизма. Их путь пролегал через долину Обихингоу — сначала вдоль полноводной горной реки по населенным местам, затем в безлюдных верховьях и дальше к леднику Гарм. Перейдя этот ледник, они должны были оказаться на границе с Афганистаном — в точке, с которой, судя по описаниям, открывался впечатляющий вид на пик Коммунизма. Чтобы выбраться оттуда, нужно было либо долго идти пешком

через горы, либо по примеру путешественников, отчетом которых вдохновился Лев, просто сдать пограничникам. Те арестовали бы их за отсутствие разрешения на пребывание в погранзоне и выслали бы в Москву. Быстро и дешево.

Неделю Лев с Лизой шли по долине вверх. Мимо них на ослах проезжали таджики в халатах и тюбетейках. От густого влажного леса они постепенно поднялись к сухим скалам. Снежные горы, которые вначале казались миражом, с каждым днем проступали все отчетливее. По утрам, вылезая из палатки, они трогали кончиками пальцев изморозь на зеленой траве.

Потом поселения закончились. Время от времени им еще попадались замшелые развалины домов, но людей больше не было. На рассвете их маленький лагерь навешали горные козлы, днем над ними смеялись суслики. Лев выкапывал из земли золотой корень — или то, что принимал за него, — заваривал его и пил вместе с Лизой, чтобы набраться сил для основного подъема.

Еще несколько дней спустя путь им преградил мощный приток. Перейти его вброд, оставшись в живых, шансов не было: бешеный водный поток снес бы смельчаков как котят и размозжил бы о камни. Тогда они решили подняться вдоль притока, чтобы обогнуть его сверху по леднику. Через два дня подъема они уткнулись в неприступные скалы — путь дальше был закрыт.

Лев хорошо помнил, как они сидели под скалой, глядя на свирепый грохочущий поток воды. Им было жарко — хотелось прохлады ледника. Они разложили перед собой карту Памира, вынули фотографию пика Коммунизма и прощались со своей мечтой. Лев достал шоколадку, припасенную для ледника Гарм, Лиза налила в кружку прозрачной воды из ручья, и они подсластили шоколадом горечь поражения. Лев неловко обнял Лизу, она неуклюже ткнулась ему в плечо, они взвалили на себя тяжеленные рюкзаки и потрусили вниз, навстречу осликам, дыням, Москве,

институту, женитьбам, расставаниям — длинной-длинной короткой жизни, которая сорок четыре года спустя описала петлю и вынесла Льва к той же мечте: он снова захотел увидеть горы, только теперь уже не пик Коммунизма, а Эверест — главную вершину мира. Откладывать и тренироваться было некогда: в шестьдесят два оставшиеся годы уже считают по пальцам, а потому не было уверенности, что его сил хватит больше чем на одно путешествие.

Лев позвал с собой свою жену Милу. Она была его сверстницей, но занималась спортом, держала себя в форме и могла пробежать больше и быстрее, чем он. Мила, однако, сказала, что стара для таких приключений, но не имеет ничего против, чтобы Лев пошел один.

«Один?!» Лев даже растерялся. Как-то так вышло, что он никогда не путешествовал в одиночку. С ним всегда были жена, или дочка Аня, или друзья.

«Один?..» Он окинул мысленным взглядом своих близких и вдруг понял, что Аня выросла и ей теперь интереснее ее тусовки, друзья уже давно предпочитают спокойный отдых, да и жене, как видно, нужно что-нибудь покомфортнее.

Лев попробовал представить себе это одиночество, почувствовать его вкус — оно оказалось манящим и терпким. «Один... А почему, собственно, нет?» Прикинув и состыковав разнообразные жизненные планы, он наметил путешествие на следующую весну.

Спортом, в отличие от жены, Лев не увлекался и хорошей физической формой похвастаться не мог. Чувствовал себя, как когда-то говорила его бабушка, «по возрасту»: вставалось по утрам тяжело, побаливали колени, желудок частенько не принимал ничего, кроме овсяной каши, зато ровно стучало сердце и исправно работали легкие. Он решил было для подготовки начать бегать по утрам, но из этого ничего не вышло: рабочая суeta и унылый московский ноябрь быстро отвратили его от этого прекрасного намерения. Зато он прочитал множество отчетов о предстоящем пути, купил хорошее

снаряжение и 25 апреля обнял жену, посидел на дороге, сказал сам себе «в добрый путь», «с богом», «ни пуха ни пера», сам себе ответил «к черту», что еще сказать — не придумал, встал, надел новенький легкий суперсовременный рюкзак, неразношенные горные ботинки и вышел из дома.

* * *

Через два дня Лев спустился по хлипкому трапу маленького самолета компании «Йети» в непальском поселке Лукла, на высоте две тысячи восемьсот шестьдесят метров. Он немного постоял у самолета на затекших ногах, поежился от холодного ветра, оглядел каменистые холмы, засомневался, хватит ли ему теплой одежды, если уже здесь, внизу, так холодно, прислушался к легкой ноющей боли в колене и улыбнулся. Было тревожно, одиноко, над горами клубились облака, а вдали тоненько потренькивала еле слышная нота счастья.

Прямо на выходе из аэропорта Льва встретил какой-то молодой шерп и так решительно схватил его рюкзак, что Лев испугался. «А что, если он сейчас убежит вместе с рюкзаком? Может быть, нужно повыбирать, а не соглашаться на первого встречного?» Но шерп шел легко и уверенно, был столь спокоен, так хорошо улыбался, что и Лев успокоился. Они зашли в маленький каменный домик — почерневшая от сырости и дождей деревянная вывеска гласила, что это «The Turning Lodge». Там, усевшись за обшарпанный столик, они быстро обо всем договорились. Шерпа звали Ганга, как великую индусскую реку. Лев достал карту и пытался что-то показывать и спрашивать, но Ганга на карту почти не смотрел, а только улыбался и говорил: «О'кей!» Потом предложил Льву тибетского чая — с солью, молоком и маслом яка. Лев выпил, почувствовал, как скукожился желудок, пожалел, что купился на экзотику, и вместе со своим проводником отправился в путь.

К базовому лагерю Эвереста вела хорошо набитая широкая тропа, загруженная, как настоящая трасса. По ней длинной вереницей поднимались и спускались европейские туристы, шерпы, длинношерстные яки. Копыта взбивали пыль, от которой приходилось спасаться, надевая очки и повязку на лицо.

Ганга шагал во вьетнамках на босу ногу, трениках и старой рваной флиске. Рюкзак Льва он привязал к своему и безо всякого усилия нес эту несуразную поклажу, распевая на ходу незатейливые непальские песни. За ним в новеньких трекинговых ботинках, гортексной ветровке, морщась от боли и удовольствия, без груза — налегке — тяжело поднимался Лев.

Дорога от Луклы у подготовленных путников занимает восемь дней, но Лев для лучшей акклиматизации заложил все двадцать. И это было предусмотрительно: до Намче-Базара, главного перевалочного пункта альпинистов, вместо двух положенных дней он добирался четыре.

В Намче-Базар Лев пришел засветло, выбрал гестхаус, сел в главном зале около железной печки, заказал себе европейский чай и принялся от руки писать дневник. Когда он поднял голову, на секунду оторвавшись от тетради, то обнаружил, что поселок за окном исчез — его окутало облако. В этот миг дверь в домик отворилась, и сквозь облако Лев увидел силуэты бредущих мимо яков и пастуха. Один як мотнул головой, и его рога на секунду оказались внутри домика. Вслед за рогами в дом пробрался завиток облака, оглядел собравшихся и испарился. Яки позвенели колокольчиками и ушли, за ними проковылял в тумане пастух.

Вместе с яками и облаком ко Льву заглянуло счастье. Оно на миг обволокло его, и он забыл о своем возрасте, ноющих коленях, других странах за границами поселка; мир, дочка, работа, жена, все путешествия представились ему в это мгновение праздничным калейдоскопом, и все

зазвенело в такт с колокольчиками. Туман проник в легкие, замерло сердце. А затем облако вышло из домика, пастух слился с туманом, дверь затворилась — и на смену счастью пришло одиночество. Сидя среди других туристов, рядом с радостным Гангой, Лев был совершенно одинок. Он отпил чай, опустил голову и продолжил писать дневник. Ему остро хотелось вложить в тетрадку облако, яков, счастье и одиночество, но он не знал, как это сделать, и потому просто перечислил бытовые детали и подробности этого дня.

* * *

До настоящего одиночества в «одиноким» путешествии было очень далеко. На тропе Лев в любой момент мог поболтать с Гангой. Тот плохо знал английский, но с готовностью рассказывал о горах, о жене, улыбался и загибал пальцы, называя имена своих семерых детей, пел на ходу песни и даже пританцовывал. Жаркая зависть охватывала Льва к тому, что можно быть таким легким, сильным, здоровым и счастливым взрослым ребенком. Изрядную долю безбожно исковерканных Гангой английских слов Лев не понимал, но его это совершенно не заботило, и он сам в ответ рассказывал о своей жизни и вслед за Гангой зажимал пальцы, перечисляя имена своих жен. А Ганга изумлялся, потому что думал, что только детей бывает много, а жена всегда одна. А потом Лев просил Гангу петь песни — и они лечили его от зависти и печали.

В гестхаусах уединение Льву тоже не грозило. Западные туристы, которые там ночевали, были по большей части веселыми и общительными. Лев зацепился взглядом за хрупкую сухую фигурку — француженку с глубокими морщинами и двумя косичками, как у девочки. Она была одета в короткое пестрое платье и темно-синие колготки — тоже как девочка. Он долго смотрел, как юная старушка расплетала волосы, мыла их в ведре с теплой водой, а потом сушила

у железной печки. Она была мила и кокетлива. Они немного поговорили — в основном жестами, поскольку француженка не знала английского, а Лев — французского. «Запомню ли я ее? — гадал Лев. — Это лицо, похожее на сморщенное красное яблочко? Карие, почти не замутненные возрастом глаза? Выцветшее тату L'Amour на узкой кисти?» Беседа сошла на нет, но Лев продолжал бесцеремонно бродить по ней взглядом, изучая фактуру ткани, трещинки на коже, слезший с ногтей лак. «Забуду, — с горечью думал он, — все равно все забуду». Как забыл свою первую девушку Лизу: смущенная улыбка, эфемерное дуновение ветра — вот и все, что осталось в памяти... «Косички, может быть, вспомню, но вот эта маленькая голубая прядка, вплетенная в левую косичку, где кончик мило торчит, упираясь в ухо, — вот это затрется, как затерлась ее L'Amour...»

На следующей стоянке Лев встретил стайку молодых девушек. Они пришли в гестхаус позже Льва, заняли весь зал, шумели, болтали, рассказывали ему о себе, а утром ушли очень рано. Завтракая во внезапном затишье, Лев завидовал их молодости.

Один раз он ночевал с парой из Новой Зеландии. Оба работали учителями в школе, а когда им исполнилось пятьдесят, вышли на пенсию и отправились путешествовать. С тех пор они вот уже пять лет ходили по Азии и ни разу не возвращались домой. Им Лев обзавидовался еще больше. Он тоже любил трекинги и тоже хотел, чтобы его жена Мила все оставила и ушла с ним в Тибет. Но она не пожелала все бросать и куда-то идти — осталась в Москве и писала ему оттуда добрые и довольно отстраненные сообщения, спрашивала, как дела. Он получал эти послания в гестхаусах, подключившись к слабенькому интернету. Подробно рассказывать о себе ему не хотелось, и потому он отвечал тоже коротко и отстраненно. Зато в дневнике расписывал свое путешествие в подробностях. Ему нравилось, что можно опять, как в молодости, писать ручкой в тетради. Сначала было сложновато: привычные

к клавиатуре руки быстро уставали, — но чем дальше, тем с бóльшим удовольствием он вырисовывал буквы.

* * *

Через одиннадцать дней пути Лев с Гангой дошли до поселения Тенгбоче. Здесь, на высоте четыре тысячи триста метров над уровнем моря, располагался самый высокогорный в мире буддийский монастырь.

В четыре утра Лев проснулся по будильнику. Горячее желание поспать боролось с любопытством. Зная по опыту, что любопытство проиграет, если ему не помочь, Лев усилием воли вытащил себя из спального мешка и в темноте по мерзлой земле отправился смотреть на буддийскую церемонию.

Храм был холодный, монахи кутались в ватные одеяла, пили чай, который им подливал служка, били в барабаны, бормотали — каждый что-то свое, — дули в огромные раковины... Все это больше напоминало музыкальный праздник в детском саду, а не молитвы. Вместе со взрослыми баловались со старинными инструментами и дети.

* * *

Еще три дня спустя Лев вышел на плато, с которого наконец можно было увидеть Эверест, прежде прятавшийся за ближними хребтами. Здесь уже лоскутами лежал снег. Глядя на темный и невзрачный пик вдаль, никакого величия Лев не узрел и восторга не испытал. В фантастическом горном окружении Эверест не выглядел самой высокой вершиной — просто черный камень на горизонте в черед других черных камней.

Ганга показал Льву турики — пирамидки, сложенные из камней. Подойдя ближе, Лев с оторопью осознал, что это могилы. Много-много могил людей, которые погибли при восхождении на Эверест. Гибнет каждый десятый, понял

Лев из сбивчивых объяснений Ганги, и многих хоронят на этом плато, чтобы и после смерти они смотрели на гору, любовь к которой их погубила. Лев попробовал сосчитать могилы. Шел, читал имена, годы жизни, вычислял возраст, загибал пальцы... Скоро ему надоело, но он решил проявить упорство, досчитал до ста, увидел, что могил еще очень много, и только тогда наконец остановился.

Это стихийное кладбище его невероятно взволновало. Кому альпинисты отдали свою жизнь? Вот этому черному треугольнику на горизонте? Пит и Лара... Олаф... Нгуен... Ханна... Джейк... Русский тезка Джейка Яков... Зачем?! Лев примостился на камне рядом с одной из могил и стал жевать бутерброд, запивая холодным чаем. «Они — мертвые, а я — живой», — думал он и пытался порадоваться боли в желудке. «Болит только живое». Лев осмотрел свои запыленные ботинки, которые больше не выглядели новыми, почувствовал, как ноют натруженные мышцы, болит поясница, пощелкал языком, потрогал себя за нос, прикоснулся к губам, голове, погладил ноющий живот и с удовлетворением убедился, что он действительно живой.

У него даже мелькнула мысль остаться здесь до вечера и посмотреть на закат: может быть, Эверест вечером станет красным — или даже черно-красным, как положено безжалостному убийце альпинистов. Льву хотелось погрузиться в печаль. И радость. Но до ближайшего гестхауса оставалось еще два часа ходу, и он решил проявить благоразумие. С трудом увел себя от величественного кладбища и пошагал вперед. Для поднятия настроения попросил Гангу спеть песню.

* * *

На четырех с половиной тысячах окончательно исчезла вся зелень, и пейзаж стал суровым, черно-белым. Теперь взору открылись семитысячники — огромные, сверкающие, покрытые снегом. Иногда вдали можно было разглядеть

черную макушку Эвереста. Местность была пустынна: камни, скалы, отдельные ледники — примерно так Лев представлял себе марсианские пейзажи.

Сверху медленно осыпались и таяли на камнях редкие снежинки. Стала напоминать о себе высота: ясно ощущался каждый удар сердца, а если тропа резко уводила вверх, то сердце начинало трепыхаться, как тонущий зверек. Лев казался себе каким-то очень большим, нескладным, стекляннным. Он возвышался над собственными ногами, одетыми в уже привычные поношенные ботинки, покачивался, боялся упасть и расколоться. Так и шел — медленно, шаг за шагом, слушая стук сердца и пульс боли в висках. Течение мыслей, и так не особо упорядоченное, совсем расстроилось, и каждый шаг вздымал осколки образов, которые перемешивались и оседали в голове, чтобы со следующим шагом взвиться вновь. Общее состояние напоминало грипп: когда-то давно, в детстве, он лежал в кровати, смотрел на обои — и все вокруг так же качалось, расплывалось, а по обоям неостановимо ползали муравьи...

Через полдня такой дороги путники добрались до небольшого гестхауса. Снег уже повалил хлопьями, и сквозь пелену сначала был виден только дым из трубы, и только потом показался сам домишко — нелепый, разлапистый, кособокий, будто бы собранный из сплошных заплаток, но особенно манящий и уютный. Хотя в этот день они прошли совсем немного, Лев решил остановиться и заночевать здесь. Славу богу, времени на подъем заложено с запасом, можно позволить себе никуда не спешить.

Центральную часть домика занимала традиционная для Тибета гостиная с железной печкой посередине. Из туристов здесь был только старик с белой бородой и длинными седыми волосами, перехваченными лентой. На бороде была заплетена смешная маленькая косичка. Одетый в несколько свитеров, он сидел у печки и читал какую-то обтрепанную книгу с пожелтевшими страницами. «Вот и я скоро буду

таким, — подумал Лев. — Если доживу». Он с неохотой достал из рюкзака свой дневник, заказал себе горячего супа и пристроился рядом со стариком.

Писать не выходило. Ныли суставы на пальцах, кружилась голова, неровно постукивало сердце, так же неровно пульсировала боль в висках. Лев медленно хлебал суп и поглядывал на старика. Тот был почти совершенно неподвижен — только мерно поднималась грудь да редкими рывками двигались глаза за линзами очков, проскальзывая по строчкам книги. Было в нем что-то от изваяния — только изваяния на удивление теплого и уютного, будто выточенного из мореной древесины.

Льву захотелось отвлечься, забыть о высоте, выбраться из скорлупы одиночества. Он отложил дневник, чуть-чуть кашлянул, привлекая внимание, и сказал:

— Простите, что отвлекаю... Как вы переносите высоту?

Старик медленно поднял голову и протяжно посмотрел на Льва — казалось, что он, как пастух, собирает слова, отбившиеся от мысли.

— С тех пор как я когда-то поднялся на Эверест, — произнес он, — четыре тысячи для меня не высота.

Ответ был неожиданным, и Лев несколько секунд помолчал. Потрескивала печка, звякало пыльное стекло в окне. А потом из Льва посыпались вопросы. Старик поначалу отвечал сдержанно и скупно, но вскоре оживился и стал рассказывать о себе с видимым удовольствием. В молодости он занимался альпинизмом. Затем семья, работа — спорт отошел в сторону. И вот — пенсия: дети отдалились, жена умерла. Через год после смерти жены старик решил посетить Непал — место, где когда-то покорил высочайшую вершину. Идти на высоту он не собирался, хотел просто побродить в нижней части долины — но за месяц неспешной ходьбы добрался до базового лагеря Эвереста. Через год он поехал в Тибет уже на три месяца — жил в гестхаусах на высоте не ниже четырех тысяч, поднимался на окрестные перевалы.

— Я старый горный козел, — улыбался он то ли Льву, то ли своим мыслям, — все никак не успокоюсь, прыгаю по камням...

Теперь он проводил у себя в Нью-Йорке только зиму, когда в горах совсем холодно, а все остальное время жил здесь.

— Тут дешево, — говорил он, — моей пенсии хватает. Квартиру я сдаю.

— Эдак вы скоро опять на Эверест заберетесь, — пошутил Лев.

— Я как раз оттуда спускаюсь, — прищурился старик. — Не верите?

— Почему же... — смутился Лев.

— Сколько мне лет, по-вашему?

— Вам... ну... семьдесят, наверное... семьдесят пять?..

— Сто девятнадцать, — сказал старик и очень серьезно в упор посмотрел на Льва.

Лев неуверенно улыбнулся: «Шутит же...» Он еще раз внимательно осмотрел старика и вдруг обратил внимание, что его волосы и борода были не просто седыми, а ярко, снежно белыми. А лицо — смуглое, покрытое тем особенным высокогорным загаром, который бывает от ультрафиолета на немыслимой высоте.

Старик хлопнул ладонью по книге и захохотал. Смеялся он громко и заливисто, как мальчишка, и радостно запрокидывал голову.

— Поймал я вас? Не поверили? Удивились? Подумали — совсем старый выжил из ума?

Старик вдруг резко затих.

— А вообще мне остался последний год.

«Он болен?.. Умирает?.. У него рак?»

— Впрочем, не мне одному. — Старик повернулся к окну, где догорал закат, и замер.

«О ком он? О других стариках? Обо всем человечестве? Или, может, обо мне? — Лев встревожился и сразу же себя отругал: — Сколько можно думать о смерти! Хватит уже...»

«А о чем еще здесь думать?»

Выяснить, что имеет в виду старик, было неловко и боязно... Лев молча придвинулся поближе к печке. Старик тоже больше не сказал ни слова — открыл книгу и погрузился в нее. Пришел шерп, подбросил в печку дров — пламя громко загудело в повисшей тишине. От покрытого сажей и ржавчиной металла начала стелиться новая волна тепла — но Льву почему-то уже не было так уютно рядом со стариком. Он вспомнил, что у него болит голова, — вернее, голова сама напомнила, — медленно, похрустывая суставами, поднялся и побрел в свою комнату спать.

Там царил мороз. Лев завернулся в спальник, отхлебнул быстро остывающий чай, но заснуть не получалось. Трепыхалось сердце, стискивало обручем виски, кто-то будто вкручивал иглы в суставы. Лев понимал, что все это эффекты высоты, но легче не становилось. В любой позе было неудобно, тело затекало, казалось, что кости чешутся изнутри, и потому он непрерывно ворочался, а потом пытался лежать неподвижно, с закрытыми глазами, прислушиваясь к отдаленным звукам ночных гор, но все равно не спал — открывал глаза и пялился в кромешную темноту — и снова перекладывал себя с боку на бок.

А потом темнота расступилась, пропиталась неярким светом, и он увидел Лизу — девушку, с которой шел к пику Коммунизма. Ей было все еще восемнадцать, и ему, видимо, опять восемнадцать, и ничего не болело. Они сидели у скалы, которая когда-то преградила им путь. Но только теперь они собирались на Эверест. Лиза взяла его за руку и сказала: «Пойдем!» — и они весело полезли вверх. Лев удивился, как легко у них получается взбираться по скале. Мелькнула мысль о страховке, но поздно — они уже высоко, под ними бурлит река. Лиза чуть впереди, выше, оборачивается, улыбается, манит за собой. И вот перед ними открываются семитысячники и огромный праздничный Эверест. Он не такой черный, как в жизни, а сверкающий,

как полярная звезда. Остается всего несколько метров — Лиза уже залезла и протягивает Льву руку, он тянется, цепляется, нога соскальзывает, он сдергивает Лизу, и они летят вниз. Парят, взявшись за руки, как два парашютиста. Сердце гулко ударяет в грудную клетку и замирает — Лев просыпается.

«Интересный сон, — думает он. — Как давно мне не снилось, что я лечу... Такие сны были в детстве. Считалось, что полет снится тогда, когда человек растет. Вряд ли я расту — разве что вниз...»

Лев напрягается, пытаясь восстановить в памяти образ Лизы, — но получается так себе. Он плохо помнит ее лицо, фигуру — только общий облик. Она была послушной — наверное, самой послушной из его женщин. Ходила с ним в горы. Нравилось ли ей — или она делала это только ради него? Тогда этот вопрос как-то не возникал. Расстались они тоже легко. Вернее, Лев — легко, а Лиза приняла как данность. К своим следующим женщинам Лев сильно привязывался, и расставание всегда было трудным. Трагичным, если его бросали. Может быть, еще трагичнее, когда он уходил сам. А с Лизой он просто перестал общаться, когда влюбился в свою однокурсницу Катю. И Лиза тихо растаяла в небытии. Не было ни объяснений, ни переживаний — или он все это попросту забыл. В шестнадцать лет они подружились, три года спустя разошлись — и с тех пор ни разу не пересеклись.

«Жива ли она? — думает Лев. — Как сложилась ее жизнь? Почему я ни разу не попробовал ее найти? Хотя бы из любопытства...»

«Она старая, — думает он. — Морщины, дряхлое тело».

«Как и ты — не забывай, что и ты старей».

«Ее жизнь уже прошла — она состоялась или не состоялась. Муж, дети. Несколько мужей и детей... А если их нет, то уже и не будет».

«А моя жизнь — она тоже уже свершилась? — продолжает думать Лев, привычно окидывая взглядом панораму

своей жизни. — Успехи в бизнесе, жены, дочка, дальние путешествия... вот, собственно, и все?»

«Почему „свершилась“, — удивляется он. — Никто не подозревал, даже я сам, что в шестьдесят два я отправлюсь к Эвересту, — а я здесь... Это же новая страница моей жизни — да? И сколько-то еще будет таких!..»

«А сколько?.. Или все же эта последняя?»

В комнате начали потихоньку проступать контуры предметов — светало. Раздался стук в дверь — это Ганга принес в тазу горячую воду умываться. Лев расстегнул спальник и сполз с кровати. Билось сердце, пульсировала голова, саднили мышцы, ломило кости — как будто и не спал. В кружке с недопитым чаем уже не чай, а лед. «Ну и ну... — покачал головой Лев. — Какая же температура на улице? И сколько будет, когда я поднимусь еще выше?» Он представил себе ночевку под Эверестом — последнюю перед броском на вершину. Там может быть и минус тридцать. Ему вспомнилось, что Эдмунд Хиллари, который первым покорил Эверест, на последней ночевке снял ботинки, а утром час грел их на примусе, чтобы они отледенели и их можно было надеть. Шерп, который шел вместе с Эдмундом, спал прямо в ботинках, и у него таких проблем не было. Этот час мог стоять им жизни: времени на подъем и спуск было в обрез. «Как старик мог подняться на Эверест? Это невозможно — он пошутил».

«Может быть, провести в этом гестхаусе еще день — пусть организм привыкнет к высоте и пройдет голова?» — спросил себя Лев. Но эта идея ему не нравилась. Он больше не хотел сидеть рядом с печкой и белым стариком — он хотел идти.

* * *

Еще через три дня Лев и Ганга перевалили отметку пять тысяч метров и дошли до самого верхнего поселка Горакшеп. Было 15 мая — путь от Луклы занял у Льва 19 дней.

Они поселились в единственном тамошнем гестхаусе. Печку здесь топили ячьим кизяком, поэтому в гостиной висел кислый дым, от которого першило в горле. Поздним вечером Лев вышел из жарко натопленного домика на улицу и долго смотрел на звезды. Звезд было много, и они были громадными. Лев попытался вызвать в себе детские мысли о дальних мирах, галактиках, межзвездных путешествиях, но ничего из этого не вышло. Просто яркие звезды. Красиво.

На следующий день Лев доковылял до базового лагеря Эвереста. Пять тысяч четыреста метров — самая высокая точка его путешествия.

Лагерь располагался на леднике прямо под ледопадом, с которого начинались восхождения. Отсюда до вершины Эвереста оставалось три дня технически сложного и физически невыносимого маршрута с двумя промежуточными стоянками.

Сам лагерь напоминал огромный муравейник: среди десятков палаток и шатров сустились люди всех национальностей, приехавшие с самых разных концов земли, — распутывали веревки, затачивали крючья, примеряли кошки, тренировались тормозить ледорубом; одних яков разгружали, на других здесь же привязывали груз; готовили еду, веселились, играли на гитарах. Звуки легко разносились по открытому пространству — шум, гам, разноголосица, вавилонское смешение языков, фыркание животных, лязг металла. Повсюду трепетали на ветру яркие буддийские флаги. Лев чувствовал себя так, будто попал на фестиваль.

Среди альпинистов в цветастых штормовках, толстых горных ботинках, черных очках тут и там сновали шерпы — все в тех же заношенных флисках «с альпинистского плеча», некоторые в кедах, несколько человек даже на этой высоте — во вьетнамках. Глядя на них, Лев снова подумал про шерпа, сопровождавшего новозеландца Эдмунда Хиллари на Эверест: он поднялся вместе с Хиллари к самой вершине,

нес основную поклажу и ждал, когда тот отставал, а за пять метров до цели пропустил Эдмунда вперед, чтобы позволить новозеландцу стать первым человеком, покорившим Эверест. И вот эти низкорослые, плохо одетые шерпы тоже полезут вверх вместе с модными альпинистами. И потащат их вещи. Но их имена никто не вспомнит. Даже фамилии у всех шерпов одинаковые — Шерпа. Некоторые из них дойдут, а другие — и шерпы, и альпинисты — умрут, замерзнут по дороге, и тогда в память о европейцах сложат новые пирамидки на плато, которое много дней назад миновал Лев. А как будут вспоминать шерпов, Лев не знает: на могилах были написаны только западные имена. «Фестиваль смерти», — стукнуло в мозгу.

Зато голова теперь болела намного меньше, в ногах и руках появилась сила. Лев был невероятно рад, что добрался сюда. Он всем телом впитывал гомон лагеря, смотрел на Эверест, поднимал руки, протягивал к горе. Заметив на скале три маленькие фигурки альпинистов, карабкающихся вверх, почувствовал, что тоже хочет штурмовать Эверест, и осознал, что уже никогда не сможет это сделать.

И в этот момент в его голову пришла мысль, которая поднялась над всеми остальными и утвердила свой флаг на самой главной высоте его сознания. Лев сказал вслух:

— Как я допустил, что мне уже шестьдесят два?!

Он улыбнулся собственной глупости. «А как можно было этого не допустить?» Не в его власти притормаживать время. Но мысль не отступила, и он упорно продолжал повторять про себя: «Как я мог себе позволить, как мог упустить, проморгать — мне уже шестьдесят два!» Он стоял, широко расставив ноги, поднимая руки вверх ладонями к Эвересту, и спорил с собой. «Я что, Господь Бог? Что я мог сделать с ходом времени? Или я обвиняю себя, что зря потратил годы? Мало успел?»

«Может быть, мало, а может, и нормально, но не в этом дело — совсем не в этом. Недавно тебе было восемнадцать,

и ты смотрел на водный поток и держал за руку Лизу — почему, почему ты не подумал, что пройдут четыре десятка лет, почему ты позволил им пройти?!»

«Лев, ты сумасшедший, сколько можно повторять одно и то же — это же глупость. Время идет, и я лучше или хуже его трачу. Не так уж плохо. Да, можно было лучше, но кое-что я успел». Лев собрался было снова по кругу перечислить своих жен, дочку, достижения, но понял, что это совершенно лишнее, потому что никак не отменяет суть: нельзя было допустить, чтобы прошло сорок четыре года. «Мне сейчас должно быть двадцать. Или тридцать. Но никак не шестьдесят!»

Он сел на камень, достал воду и печенье. Жестом пригласил Гангу присоединиться к трапезе. Ему хотелось насладиться лагерем, видом Эвереста, до которого он дошел. Но дурацкая мысль застряла в голове, ныла и не давала сполна прочувствовать радость момента. Лев предчувствовал, что она пришла надолго — на много дней, месяцев или даже лет — и будет теперь отравлять его существование, подтягивать другие мысли, и еще неизвестно, что случится раньше: он избавится от нее или умрет.

Лев разрешил себе остаться в лагере до вечера.

Через пару часов итальянские альпинисты позвали его пить чай. Он присоединился к ним, отхлебывал обжигающий чай с какой-то травой, разговаривал, слушал и фоном все время завидовал тому, что они такие молодые, веселые и сильные. Ему всегда хотелось быть более открытым, непосредственным, импульсивным, громким и эмоциональным — как они. А теперь еще захотелось быть молодым. Как они. Сердце болело, потому что жизнь прожита. «Неужели прожита? Как же глупо так думать. Глупо. Но как не думать о белой обезьяне?!»

На закате Лев не отрываясь смотрел на Эверест. Ему хотелось увидеть красный отсвет на черном камне. Но наползли облака, и пошел снег. Темнело, холодало. И вместе

с Гангой он двинулся в обратный путь, к гестхаусу в Горакшеп.

Ночью он снова ворочался и не спал — невозможно спать на такой высоте. Обрывочно думал о своей жизни.

* * *

Наутро начался спуск. Каждые сто метров на пути вниз дарили силу и радость. Лев и представить себе не мог, до какой степени истосковался по настоящему воздуху. На подъеме после четырех тысяч каждый шаг вверх был событием. На спуске дорога неслась навстречу легко и незаметно. Перестало трепыхаться сердце, успокоился желудок, ушла боль из суставов и костей. Да, напрягались и болели мышцы ног, но это казалось абсолютной мелочью.

Лев опять проходил знаки с отметкой высоты, но если раньше, чтобы добраться до следующей вехи, требовались дни, то теперь указатели мелькали, как в мультфильме: четыре семьсот... четыре шестьсот... четыре с половиной...

«Промчится Непал — промчится жизнь», — думал Лев, но скорее по инерции, легко, не огорчаясь: слишком хорошо было от кислорода, — и он улыбался.

Через день он спустился ниже четырех тысяч, и опять появилась зелень. Внезапно вышло солнце. Радовались теперь не только легкие, но и глаза. Получив неожиданный подарок, Лев решил, что это правильный момент, чтобы обдумать заново свою жизнь: глупо строить планы на фоне депрессии, вызванной нехваткой кислорода, — лучше воспользоваться кислородной эйфорией.

Ему очень хотелось набрать доводов за то, что шестьдесят два года прошли не зря. Нормально он их прожил, что-то создал — прожил как мог. Но он быстро понял, что все эти размышления — просто пошлость. Загибать пальцы, перечисляя, что он сделал за прожитые годы? Фу, какая ерунда... Никому не интересна эта бухгалтерия. И Бог

на Страшном суде поленился слушать о его мелких, давным-давно канувших в Лету деяниях.

Надо думать о будущем. О том, как прожить оставшиеся годы. Сколько ему осталось? Отец дожил до восьмидесяти восьми; дед, отец отца, умер от рака в шестьдесят три. Лев его не помнил. «Интересно, что до шестидесяти трех мне остался один год», — подумал он и вспомнил пророчество белого старика, которого встретил по пути наверх: «А вообще мне остался последний год... и не только мне» — так вроде он сказал? «И еще посмотрел на меня — как будто намекнул... Или не на меня?» Лев еще раз пересчитал годы жизни деда и убедился, что не ошибся: шестьдесят три. «Может быть, мне захотелось в горы, потому что я приблизился к возрасту деда? Увидеть и умереть?» Мать Льва прожила только семьдесят лет, зато ее мама дожила до девяноста четырех. И до последнего была веселой и активной. «До девяноста четырех мне еще целых тридцать два года, — думал Лев, — и это вполне себе срок. А в кого я? Если переживу шестьдесят три, то вполне могу дожить и до девяноста. А могу и не дожить».

Он скользил вниз по тропе и раздумывал, что хочет сделать за оставшуюся часть жизни. Только вот за какую: за год? За тридцать лет? Непонятно... Впрочем, он довольно быстро убедился, что даже если у него есть еще тридцать лет, то ничего особенного он не хочет. Новых детей уже не родит. А почему нет? Найти молодую жену? А зачем? Новый бизнес не создаст. А даже если создаст — что с того?! Профессиональную книжку — да, напишет. Но она не будет революцией в его профессии. Просто книжка. А стоит ли тогда писать? А если не писать, на что еще потратить целых тридцать лет жизни?

Лев вдруг с ужасом осознал, что у него нет целей и тридцать лет ему не нужны. Ему стало по-настоящему страшно — он сжал кулаки, впился ногтями в ладони, чтобы удержать крик. В голову ворвалась мысль, что если

немедленно — прямо до следующего знака высоты — он не найдет себе цель, то верх возьмут гены деда, который умер в шестьдесят три, — вот что имел в виду старик. «Как он мог знать?» От этой мысли Лев даже замедлил свой бег. Куда спешить? Почему он так несется вниз? Недавно он размашисто прошагал отметку три шестьсот — зачем ему три пятьсот? Он пошел не спеша, стараясь прочувствовать каждый шаг, крутя головой по сторонам. Мир вокруг оказался прекрасен! Прямо у ног стелилась светлая праздничная трава, поодаль ее оттеняли маслянистые сосны, а их кроны обрамляли снежные и опять далекие пики. Лев остановился, сел и стал любоваться горами. Попил воды, не отрывая взгляда от вершин. «И что теперь — остаться тут навсегда? Чтобы не увидеть отметку три с половиной?» Пришла в голову шальная мысль: найти рядом гестхаус и жить в нем, пока не родится цель на следующие тридцать лет. Глупо, конечно... А потом подумалось, что большая цель, напротив, сократит субъективное время жизни. Достиг большой цели — все и закончилось. А если идешь к десяти маленьким целям, жизнь растягивается. Наверное... Лев осмелел и сказал вслух:

— Не нужна мне цель на тридцать лет! — И смело зашагал вниз.

Вот и столбик с цифрами — три, пять, два нуля. Он подошел и потрогал его. Сказал себе: «В следующее тридцатилетие я вступаю без цели». Сердце екнуло, но не сильно. Он неуверенно сделал шаг — и тут его осенило: может быть, главное — растянуть субъективное чувство времени? Чтобы оно не несло так быстро? Вернуть детскую бесконечность. Он еще замедлился, а потом вспомнил, что дети все время бегают, — и побежал. Остановился, стал ощупывать сосны, камни, попробовал хвою на вкус. Нашел взглядом облако и стал следить за ним. Хорошо бы полететь вместе с ним! Поднял руки и вообразил, что это крылья. Подошел к обрыву и примерился: «Полечу вместе с облаком — и упаду...

и окажется, что я прожил не тридцать лет и даже не один год, а только лишь минуту — но эта минута растянулась на столетие...»

Утомившись от наплыва мыслей, Лев решил догнать Гангу. Началась обычная болтовня — особенно прекрасная, потому что половину всего Ганга не понимал и отвечал на какой-то другой вопрос, а Лев не мог разобрать его ответ. Общались улыбками, жестами, говорили в пространство. Это веселило, не напрягало, время забывалось, и они неслись по тропе вниз.

* * *

Ближе к вечеру подошли к обрыву. Далеко внизу грозно шумела сильная река, пробираясь сквозь камни и валуны. Рядом на берегу виднелся палаточный лагерь. Присмотревшись, Лев понял, что это не туристы: шатры, а не туристические палатки, на земле свалены белые мешки вместо рюкзаков, рядом пасутся яки.

Ганга засвистел песню и весело двинулся по главной тропе, которая шла вдоль склона, не спускаясь к реке, а за ним заковылял усталыми ногами Лев. Скоро стало видно, что лагерь населен шерпами. Особенно выделялись женщины в празднично расшитых передниках и с яркими платками на головах. Мужчины сидели у костра, женщины раздували огонь, колдовали над чаном.

— Что это за люди? — спросил Лев у Ганги.

— Торговцы, — отозвался Ганга (он сказал: «Tradesmen»).

Лев удивился. Коммивояжеры? Здесь?

— А чем же они, интересно, торгуют?

— Всем, — сказал Ганга. Потом добавил: — Всем, что люди покупают.

— Откуда они пришли?

Ганга махнул вверх по направлению к Эвересту:

— С перевала.

Это было удивительно. Путь наверх упирался в семитысячники, и Лев не предполагал, что там есть перевал. Ему стало любопытно.

В последние дни они так быстро неслись вниз, что повод для замедления был кстати. От основной тропы отщеплялась небольшая тропка, которая вела прямо к лагерю. Лев решительно взял курс вниз, Ганга последовал за ним.

Лагерь приближался. Уже можно было разглядеть, что шатры сделаны из шкур. Черные яки казались какими-то особенно шерстяными. Женщины выглядели более нарядными, чем местные жители, — и в то же время все они явно были тибетцы. Один из мужчин у костра был одет в ярко-оранжевую буддийскую хламиду. На Льва вдруг повеяло какой-то сказкой, как будто он переместился в Средние века. Он подошел к костру, скинул рюкзак и сказал:

— Намасте!

Люди сдержанно поприветствовали его, не отрываясь от своих дел, и только монах подошел к нему, соединил руки и поклонился.

— I'm a traveler. Can I relax, sit by the fire? — Лев жестом попросил Гангу перевести. Но помощь переводчика не потребовалась — монах ответил на хорошем английском:

— Have a seat. Would you like some tea?

Они познакомились. Монаха звали Дава.

— Мы купцы, — сказал Дава, — мы в пути уже второй месяц.

Он рассказал, что их караван передвигается между непальской и китайской частями Тибета. Они начинают свой путь в столице Тибета — Лхасе, расположенной в Китае, поднимаются к священной для буддистов горе Кайлаш, навещают Шамбалу, затем по перевалу переходят сюда, в Непал, и обходят все тибетские деревни. Продают здесь товары из Китая: рис, хлопчатое полотно, предметы для буддийских монастырей — книги, ткани, колокольчики, трубы; а закупают шерсть яков, картофельную муку — и все это везут в Китай.

Все в этой истории было бы вполне рядовым, если бы не неприступные горы вокруг и слово «Шамбала».

— Разве Шамбала существует? — выразил сомнение Лев.

— Конечно, — ответил Дава. Его фантастический ответ звучал столь обыденно, что Лев смутился и сменил тему:

— А не легче ли поднять эти товары из долины?

Дава заулыбался и стал выкладывать из камней карту. Он показал, какой длинный путь совершит товар, если отправится обычным путем — из Лхасы в Шанхай, из Шанхая на корабле в Индию, из Индии в Непал, затем по дорогам Непала до Тибета, а здесь опять придется грузить товары на яков и везти вверх.

— Караваном через горы намного короче, — объяснил он.

— А как же визы? — спросил Лев. — Как вы переходите границу?

Дава растянул рот до ушей и заливисто засмеялся.

— Перевал выше шести тысяч метров. — Он сложил ладони у рта и, повернувшись в сторону, прокричал: — Ау, пограничники! Вы где? Кому показать паспорт?

Лев засмеялся в ответ.

— А разве яки могут подняться так высоко?

— Могут, конечно. Они привычные, как и мы.

Дава принялся замешивать чай. Он подлил в него молока («Ячье молоко», — разъяснил он), положил масло, замешал муку, подул, поулыбался прямо в чашу — чуть не залез туда носом — и протянул Льву. Лев смотрел на очень круглое розовое лицо Давы с оттопыренными ушами и вспоминал молодого гнома из мультика про Белоснежку — невинного, неуклюжего и веселого. Он глотнул страшную жидкость, понял, что выпить ее не сможет, и опять залюбовался сказочным обликом своего знакомого.

— А кроме того, — сказал Дава, — эра Кали-юги заканчивается, так что все границы скоро исчезнут.

Вот тебе на! Лев совсем плохо знал индуизм, но помнил, что Кали-юга — одна из эпох в индуизме. «Как же смешно, — думал он, — сидеть и беседовать с монахом о вечности!»

— А что будет после Кали-юги? — спросил он.

— Двапара-юга. Мир изменится неузнаваемо: дороги обратятся в реки, деревья прорастут сквозь дома, не будет машин и самолетов, но они и не понадобятся, потому что люди будут плавать.

Теперь настала очередь Льва смеяться. Он немного опасался обидеть Даву, но, глядя на его круглое младенческое лицо и слушая сказки, не мог удержаться от улыбки.

— В западном мире много раз ждали конца света, — сказал Лев. — Когда приближался тысячный год от Рождества Христова, люди раздавали все свои деньги, становились монахами, как вы, потому что думали, что конец света близок. Потом конца света ждали в тысяча двухсот пятом году. Но ничего не произошло — ни разу. Случались разные бедствия, но в другие годы. И мир никуда не делся — вот мы сидим и беседуем.

— То, что этого ни разу не произошло, не доказывает, что такого не случится в будущем, — заметил Дава.

«Откуда он взялся, такой умный? — думал Лев. — И так хорошо говорит по-английски... Где он учился?»

— Может быть, и случится, — сказал Лев, — но вряд ли на нашем веку. Что говорят ваши древние тексты? Когда закончится Кали-юга?

— Она уже закончилась, — сказал Дава. — Просто мы этого еще не заметили.

— Может, и не заметим? — иронизировал Лев.

Дава засмеялся.

— Я вижу, что вы не верите. Конечно — не верьте! Посмотрим, что вы скажете, когда мы встретимся в следующий раз.

Лев еще посидел, еще поговорил. Поудивлялся средневековому каравану, который ходит с товарами взад-вперед

по горам. Понаблюдав, как шерпы занимаются своими делами: укрепляют палатки, колют дрова, укрывают мешки полиэтиленом от дождя.

«Пора, — сказал он себе. — Пора. Пока не кончилась Кали-юга и я еще смогу улететь в Москву».

Он скопировал жест Давы: сложил руки у груди, наклонил голову, поблагодарил за чай. Дава тоже поклонился, поблагодарил и сказал, что им еще предстоит встретиться. Лев поднялся на отяжелевшие ноги и заковылял вверх — к основной тропе, чтобы продолжать прерванный путь.

* * *

В следующем гестхаусе Лев обратил внимание на двух подружек. Особенно его заинтересовала худенькая задумчивая темноволосая девушка. Она сидела в углу, далеко от печки, и читала. Ее подруга развешивала на веревках только что постиранное белье. В окно заглядывало мягкое вечернее солнце.

Льву вдруг невыносимо захотелось отношений. Разговорить девушку, влюбить в себя, увести в свою комнату, ласкать, мучить... Как давно не было этого желания? То ли жена все заморозила... То ли горная болезнь и мысли о смерти отбили всякое влечение. «Может быть, я выздоравливаю?» — думал Лев.

Он посмотрел на себя в зеркале. Худое обветренное морщинистое лицо, седая щетина, проникновенный взгляд. Очень благородно. Некоторые девушки любят таких мужчин. «И сексом могу заняться».

Лев подсел к темноволосой девушке и познакомился. Ее звали Эва, она приехала сюда из Голландии. В руках у нее был томик Ницше. Эва тоже спускалась из базового лагеря. Лев смотрел на ее некрасивое лицо, и оно казалось ему прекрасным. Обнимал взглядом угловатое тело, и в нем горело желание.